

ЗАПИСНЫЕ ЛИСТКИ Н. К. РѢРИХА.

XXIII. МАРЕСЪ И БѢКЛИНЪ.¹

[78]

Если суждено искусству вступить въ новую фазу приближенія къ мірскому и обновить „линію” жизни,—какіе пересмотры предстоятъ!— поразительно!

Сколько признаннаго, сколько излюбленнаго придется отодвинуть, чтобы строить Пантеонъ красоты многихъ вѣковъ и народовъ.

Спрячутся нѣкоторые любимцы и выступятъ другіе, и съ бѣльшимъ правомъ.

Въ новыхъ дворцахъ свѣта, тона и линіи забудемъ темныя пространства музеевъ. Не холодной системой,—свободнымъ, творческимъ теченіемъ мысли будемъ отдыхать въ нихъ. Будемъ находить подходы къ искусству иные, чѣмъ къ положительному знанію, безъ всякаго приближенія къ этой противоположной области.

Велики примѣры Востока; трогательны прозрѣнія примитивовъ; блестящи искры Расцвѣта; поразительны свѣтлыя дерзновенія импрессионистовъ. Длинная нить—далекая отъ фальшиваго, близорукаго реализма, чуждая всякой пошлой мысли. Этими путями идемъ впередъ; обновляемъ къ чутью краски-тона; очищаемъ наше пониманіе слова „живопись”. Въ такихъ границахъ мы дѣлимъ понятіе рисунка, тона и построения — трехъ разныхъ задачъ, часто самостоятельныхъ.

Безчисленны пути Красоты. Ясные, прямые пути убѣдительно впечатлѣніемъ. Малѣйшее чуждое, привходящее, разрушаетъ смыслъ и чистоту вещи. Маски въ искусствѣ противны. Противна маска живописи на рисунокѣ. Безмысленна фреска въ краскахъ, лишенная творческой гармоніи тона. Нужна открытая, громкая пѣснь о любимомъ; нужны ясныя слова о

¹ *Золотое руно*, 1906, №6, 78-80.

томъ, что хочешь сказать, хотя бы и одиноко.

И каждый долженъ искать въ себѣ, чѣмъ повиненъ онъ передъ искусствомъ; чѣмъ, немудро, заслонялъ онъ дорогу свою къ блестящему „какъ сдѣлать”. Иногда еще можно отбросить ненужное; иногда есть еще время ускорить шагъ. Сознаніе ошибокъ не страшно.

Прекрасны для насъ сокровища тѣхъ, что прошли прямою дорогою искусства. Смотримъ на нихъ съ бережливостью; безъ страха отодвигаемъ повинныхъ въ уклоненіи. Это—жизнь.

О Бёклинѣ написанъ длинный рядъ отличныхъ статей. Знаемъ его мѣсто среди большихъ мастеровъ, завоеванное трудомъ и силою, среди насмѣшекъ и брани. Каждая его картина подробно объяснена. Большая сила! Но почему сначала онъ былъ такъ неугоденъ толпѣ? Чѣмъ онъ провинился? Неужели тѣми немногими холстами, гдѣ есть пятна настоящаго тона? Но такихъ вещей не очень много; въ массѣ работъ онъ долженъ бы быть другомъ толпы... Недоразумѣніе! онъ говорилъ намъ любезное, часто даже пріят-

[79]

ное ихъ духу и уровню, а они изъ-за немногихъ мазковъ не разсмотрѣли его, не признали многихъ пріятельскихъ жестовъ. Вольно или невольно, онъ принесъ имъ большую часть своего дарованія. Многое, можетъ быть, себѣ дорогое отдалъ неблагодарному народу, а его все-таки гнали. И даже хвала толпы подъ конецъ жизни не всегда могла заглушить отзвуки прежнихъ рѣчей.

И тутъ же почти въ то же время говорилъ другой, широко обращался кругомъ, но въ словахъ его было гораздо меньше угодливости такъ называемымъ лучшимъ чувствамъ толпы, и его просто не слушали. Его считали ненужнымъ и неопаснымъ и даже гнать не хотѣли. Даже не столько сердились, сколько пожимали плечами и качали головами.

Маресь проходилъ незамѣченнымъ.

Смѣшно и жалко подумать: всего нѣсколько отдѣльныхъ людей проникли и поняли Мареса; всего нѣсколько людей во всю жизнь!

Онъ говорилъ только во имя Искусства, и толпа была чужда ему; чуждый ей, онъ грезилъ украсить залы выставки для какихъ-то невѣдомыхъ людей. Но случайно проходящимъ мимо искусства что были его красочныя откровенія? Его истинныя украшенія зданій жизни?

Толпа не шла къ его холстамъ; его стѣнописи, которыя должны бы вести толпу, подымать ее въ минутахъ отрѣшенія отъ окружающаго, оставались для нея далекими, холодными, бездушными. А вѣдь, живопись Мареса была вовсе не безформенна,—наоборотъ, онъ глубоко понималъ форму и гармонію ея съ живописью. Это не были только красочныя симфоніи,—у Мареса всѣ картины полны глубокой художественной мысли. Но его разсказъ былъ тончайшимъ видѣніемъ поэта, мыслью художника, безъ всякой примѣси, безъ вульгарности, подъ покровомъ только настоящей живописи.

Мыслить только художественно—обыкновенно уже преступленіе; облечь полотно въ чудесныя ризы—для толпы уже недоступно. Какую же цѣнность на проходящемъ рынкѣ могли имѣть мечты Мареса о Гесперидахъ, о волшебныхъ садахъ съ чуднымъ тономъ листвы? Чистыя мысли Мареса о прекрасныхъ тѣлахъ, въ ихъ эпической простотѣ движенія, насыщенныхъ переливами красокъ? Разказы о вѣчномъ, достойные лучшихъ стѣнъ!

Видѣнія, святыя, всадники, рыцари, чудовища... Тѣ же стремленія, какъ у Бёклина, и другая, совершенно другая дорога.

Сравненія мало къ чему служатъ, а въ искусствѣ особенно. Но бываютъ поразительныя сопоставленія, которыя бьютъ по глазу, кричатъ въ ухо о случившемся.

Маресь и Бёклинь теперь встрѣтились на Столѣтней выставкѣ въ Берлинѣ; встрѣтились многими холстами. Кто-то поставилъ ихъ рядомъ. Кто-то

захотѣль, чтобы о Маресѣ и Бёклинѣ задумались рѣшительно. Для памяти Мареса эта выставка—сущій праздникъ; жаль, что нельзя было собрать и еще его вещей.

[80]

Но что случилось со всѣмъ, что такъ хорошо выходитъ въ воспроизведеніи изъ картинъ Бёклина, что случилось со всѣмъ этимъ отъ сосѣдства Мареса? Все, о чемъ многіе думали и о чемъ уже хотѣли говорить, сразу стало яснымъ.

Труднѣе судить рисунки; можно всегда спорить о построеніи, но тонъ всегда говоритъ за себя, и только отсутствіе противопоставленія иногда временно спасаетъ его достоинство. Тонъ, конечно, первое качество живописи, наиболѣе абсолютенъ, и въ немъ главное требованіе къ живописцу. Мысль только отчасти заслонитъ глазъ рефлексамъ въ другіе центры; построеніе и рисунокъ стоятъ отдѣльно и безъ живописи картина—ободранный скелетъ, желтый, обтянутый и страшный въ темномъ углу музея. Золото лаковъ дружественно этимъ подкрашеннымъ рисункамъ; фотографія передаетъ ихъ отлично, тонъ ей не мѣшаетъ.

Кто былъ на Берлинской выставкѣ, тотъ видѣлъ праздникъ Мареса и рядомъ мертвенную умственность картинъ Бёклина. Что-то тайное стало явнымъ и непоправимымъ. Какой-то новый зубецъ колеса повернулся.

Женева. 10 іюня 1906.